РОАЛЬД ГЕРКЕ

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Посвящается Петру (1904–1984) и Изабелле (1914–1991) Герке

Академик Петр Яковлевич Герке пережил много тяжелых моментов. Я не касаюсь официальных публикаций об отце. Они изложены в ряде статей, в моей документальной повести «По воде и земле на парусах» (Рига: Лиесма, 1987.—412 с.), а также в подготовленном к печати романе «По камням». Нижеизложенные факты сообщаются впервые. В основном они касаются нашей жизни в Восточном Казахстане. Очень многое помню сам. Остальное записано со слов родителей.

Война застала нас 22 июня 1941 года в Анапе. Туда мы вчетвером (родители, сестра Маргарита и я) приехали отдыхать. Идя к песчаному черноморскому пляжу — услышали позывные. Вскоре сквозь эфирный шум из рупора послышалась речь... Война! Началась всеобщая суматоха. Большинство отдыхающих устремились назад в родные края. С огромным трудом отцу удалось достать билеты на эшелон, составленный из безномерных вагонов. Ему удалось одним из первых пробиться в общий вагон. Через открытое окно он втащил нас с сестрой и маму в вагонный коридор. Мы наскоро устроились на свободных местах. Вскоре вагон был битком набит людьми. Стояли и сидели в коридоре, а некоторые умудрились влезть на крышу. Не зевали воры...

Поначалу многим казалось, что война будет кратковременной, что это просто недоразумение. Ведь с Германией совсем недавно был подписан пакт о ненападении. Советский Союз посылал немцам тысячи тонн зерна. Однако на одном из разъездов нам встретился эшелон, битком набитый измученными больными людьми. В большинстве — старики, женщины, дети. Оказалось, что Минск уже захвачен гитлеровцами, наполовину разрушен, охвачен пожарами. Становилось ясным, что это не «временное недоразумение», а настоящая война, исход которой предсказать было невозможно...

Наш эшелон остановился где-то на окраинах Москвы. Столица не принимала иногородних. Тогда мы пешком добрались до родственников мамы, живших в самом центре. Они помогли нам одеждой и кое-какими деньгами. Профессор пошел в народный комиссариат здравоохранения. Там ему сообщили, что в Москве мы не можем оставаться, и выписали направление в Астраханский мединститут. Опять сутолока и борьба у билетных касс... В Астрахани отец более

месяца проработал профессором гистологии и эмбриологии. Мы жили в полуразрушенном временном общежитии. Голодали. В город прибывали тысячи беженцев. Затем пришло распоряжение об эвакуации куда-то на восток. Куда?... Никто не знал этого. Переполненный людьми (в основном инородцами, среди которых было много латышей) старенький грязный танкер, предназначенный для перевозки то ли нефти, то ли угля, вечером отправился из Астрахани в Гурьев. Эвакуированные устроились прямо на палубе. На следующий день над танкером брейшумом полетом пронеслось несколько самолетов без опознавательных знаков. Началась паника, но деваться было некуда. Разве что в трюм.

К вечеру начался страшный шторм. Судно болталось на месте, не в силах преодолеть напора могучих валов. Волны перекачивались через палубу и капитан приказал всем убраться в вонючий душный трюм. Все, в том числе и мои родители, жестоко страдали морской болезнью. Трюм наполнился стонами и проклятиями. Запах блевотины перемешивался с вонью солярки...Шторм закончился утром. Было разрешено вновь выбраться на свежий воздух. Обессиленные люди ползком выползали на палубу. Последними вынесли и уложили два трупа, завернутые в брезент. Рыдали родственники. И когда над самой трубой судна вновь со страшным воем пронеслись неизвестные самолеты, паники больше не было. Всех охватило полное безразличие...

Гурьев встретил жаром, пылью и пустыми лавками, в которых кроме вздутых консервных банок и вяленой рыбы, ничего не было. Кое-что удалось добыть на местном базарчике. Спали где придется, но группами, опасаясь бандитов и воров. Отмывались от грязи и жгушей кожу морской соли в мутной воде реки Урал. Через несколько дней нескончаемых мытарств подали эшелон, составленный из грязных товарных вагонов. В каждом разместились десятки эвакуированных. Начался долгий, полный неизвестности путь на восток через Алма-Ату. Нередко на станциях из вагонов выносили умерших, в основном старых людей...Наконец Иртыш. Где-то в районе Семипалатинска. И вновь мы на воде. Нас еле тянут против течения на двух дряхлых баржах буксировщики, построенные еще в царские времена. Наступают осенние холода. Все одеты по летнему, а ночью уже заморозки. На палубе жгут костры, пытаются согреться. Но это мало помогает... Примерно через неделю баржи доволакивают до Усть-Каменогорска. Это восточный Казахстан. Отсюда не так уж далеко до Сибири. До Алтайского края всего сто километров.

Отцу, как профессору, удается устроиться на работу врачом. А вот с мамой труднее, хотя она тоже врач. Педиатр. Все места заняты эвакуированными. Хорошо хоть, что отец имеет право на продовольственную карточку, а потому мы не лишены корки хлеба. Удастся пристроиться в одной комнатухе. Хозяйка помогает достать ветхую одежду и пимы (валенки). Ведь впереди сорокоградусные морозы.

Поздней осенью родителей перевели еще дальше на восток – в местечко Глубокое, примерно в сорока километрах от Усть-Каменогорска. Здесь располагался крупный медеплавильный завод. Всего одна

амбулатория. Позже здесь появятся и больница и тыловой госпиталь. Глубокое окаймляет могучий Иртыш и безлесные сопки высотой около километра. К востоку они постепенно повышаются, превращаясь в горы. С высоких сопкок видны могучие горные хребты. Там Китай. В противоположную сторону простирается кажушаяся бескрайней целинная степь. Местное население крайне разнообразно по национальному составу, но преимущественно – русские, называющие себя чалдонами. Много ссыльных и проживающих после заключения без права выезда. Большинство работает на медеплавильном заводе. Нас поселили в старом деревянном бараке в двух комнатах. Родители с утра до вечера лечили больных. Я и сестра сидели дома, потому что наступили морозы, а у нас не было теплой одежды. В период проживания в Казахстане отцу пришлось заняться чисто практической работой. Приведу лишь несколько эпизодов. Студенной зимней ночью 1942 года в дверь квартирки постучали. Я еще не спал. Отец открыл, и в комнату со стоном ввалился молодой мужчина. Одна рука его была перемотана тряпкой и не вправлена в рукав – он держал ее под шубой. Тряпку размотали. Родителям стало ясно: запущенная флегмона предплечья. Необходимо срочно оперировать. Но больницы, как и профессионального хирурга, еще не было. Больной стонал от диких болей, умолял помочь. Отец не решался. Он посоветовался с мамой, предложил страдальцу потерпеть и рано утром пробираться в Усть-Каменогорск. Операция на дому могла повлечь за собой весьма неприятные последствия вплоть до уголовной ответственности, особенно в то военное время. Отец не был хирургом, однако в студенческие годы он работал помощником лекаря (была такая должность в Белоруссии) и многократно ассистировал при операциях. Это пригодилось в дальнейшем... Больной продолжал умолять. Заявил, что повесится из-за нетерпимых болей. Положение действительно было незавидным. Поезда тогда ходили очень редко, нерегулярно, по узкоколейке. Кроме того движение осложнялось массивными снежными заносами – явление обычное в этих краях. Единственным видом транспорта был санный. Однако, если бы и удалось достать лошадь, то при прочих благоприятных условиях (отсутствие пурги) до Усть-Каменогорска нужно было бы ехать с утра до вечера. Но и в таком случае путника поджидали и другие опасности. В прошлом году пропал милиционер. Позже в степи нашли лишь сани, клочья одежды, револьвер, пустые патронные гильзы и остатки разбросанных костей. Его и лошадь растерзала волчья стая...

Отец долго думал. Наконец спросил, согласен ли больной перенести операцию без наркоза. Тот был готов на все. Тогда ему налили стакан чистого спирта, который он опустошил незамедлительно, залив водой. Быстро стал хмелеть, опустил голову на стол. В это время мама приготовила перевязочный материал, иод, солевой раствор, опасную бритву. Затем подняла руку над большим эмалированным тазом для стирки белья. Отец нанес два длинных разреза. В таз ручьем полился гной с примесью крови. Комната наполнилась тошнотворным зловонием. Открыли форточку. Мама проворно перевязала раны. Больной скрипел

зубами. Потом потерял сознание. Родители перенесли его на кровать, дали нашатырь, делали искусственное дыхание. Наконец он пришел в себя, и его оставили спать до утра. Через месяц он заявился к нам домой с бутылкой спиртного и тремя огромными рыбинами, выловленными в Иртыше...

Обо всем здесь не расскажешь. Но я был свидетелем, как в амбулатории, а потом в больнице отец ампутировал отмороженные пальцы, делал парацентез при гнойных отитах, удалял полипы, пораженные миндалины, пунктировал суставы, асцит при циррозе печени и раке. С тех пор я твердо решил стать хирургом.

Как-то поздно ночью в больницу привезли шестнадцатилетнего паренька с острым аппендицитом. Транспортировать его в Усть-Каменогорск по вышеупомянутым причинам было невозможно. Его оперировал отец под эфирным масочным наркозом, который давала мама. Во время операции ассистентка, только что закончившая Алма-Атинский медицинский институт, потеряла сознание. Тогда место мамы заняла медсестра, а сама она продолжала ассистировать отцу. Рану раздвигали плессиметрами, потому что не было тупых крючков. К счастью юноша выздоровел. Но через два года где-то Европе его убьют на фронте...

Поздним осенним вечером в больницу из аула привезли молоденькую казашку, первородящую. Утром у нее начались схватки, но разродиться она не могла. Тогда по совету местного знахаря ее вынесли, уложили в бричку и галопом понеслись по степным буграм, надеясь таким варварским способом ускорить роды. В результате у нее отошли воды, она потеряла сознание, и ее в шоковом состоянии, наконец, догадались доставить в Глубокое. Родовые схватки отсутствовали. Отец определил поперечное положение плода. Следовало попытаться сделать поворот плода на ножку, а в случае неудачи – кесарево сечение. Удалось сделать поворот. К величайшему удивлению родился жизнеспособный мальчик. Через месяц родителей как почетных гостей привезут на торжество (той) в казахский аул, а новорожденного в честь отца назовут Петром. Как вспоминала мама, они сидели на ковре в кругу многочисленных гостей. Справа находился один гость, страдающий недоленным сифилисом, а слева двое других, болеющих открытой формой туберкулеза. Мать отлично знала их, потому что это были и ее пациенты. И когда по кругу пошла пиала, из которой по обычаю надо было обязательно отпить, или по крайней мере приложиться губами, она пришла в ужас. Шопотом сообщила мужу. В ответ отец лишь пожал плечами. А пиала ходила по кругу не раз...

В 1943 в Глубокое пришел длинный эшелон высланных чеченцев и ингушей. Мы, озорные мальчишки, наблюдали как они высаживались из товарных вагонов прямо на железнодорожную насыпь. Женщины, дети, старики. Суровые мужчины, исподлобья сверкая глазами, в своих плечистых бурках напоминали чем-то огромных нахохлившихся горных беркутов. Таких я до войны видел в зоосаде... Начинались холода и горцев следовало срочно расселить по домам. С этой целью была создана комиссия из представителей власти и медиков. Высланные

пухли от голода. Вдобавок ко всему была выявлена ужасная завшивленность. А брюшной и сыпной тиф в то время в этих краях уже не был редкостью. Среди прибывших было выявлено несколько подозрительных на сыпняк. Комиссии, куда входил и отец, пришлось немало потрудиться, чтобы убедить горцев пройти санобработку, мытье, стрижку. После длительных переговоров мужчины, стиснув зубы, в конце концов согласились. Но когда речь коснулась женской стороны, горцы схватились за ножи. Поднялся такой гвалт, что комиссии пришлось безнадежно махнуть рукой и временно отступить. После медосмотра высланных расселили в дома, принудив потесниться местных жителей. А летом разразилась эпидемия сыпного тифа, охватившая десятки деревень. Отец был направлен на борьбу с сыпняком. Узнав об этом, моя мама решительно воспротивилась. Она вспомнила, как на одной из лекций профессор-инфекционист предупредил, что сыпной тиф особенно тяжело переносится блондинами с голубыми глазами. А мой отец был именно таким – рослый, мускулистый, беловолосый, голубоглазый. Мама направилась в администрацию и выпросила себе направление вместо отца... Эпидемия была ужасающей. Вымирали семьями. В деревне стояли пустующие дома, окна и двери которых были забиты досками, а на дверях висели бумажки с надписью «Карантин». Местная школа, превращенная в лазарет, была переполнена больными. В одной избе мама обнаружила двух стариков чеченцев. От невыносимого запаха впору было бы надеть противогаз. Старуха сидела у окна. Она не говорила по-русски. Температура у нее была под 40 °С. В комнатной полутьме доктор заметила какой-то ворчащий мохнатый предмет. Вначале она приняла его за собаку. Когда пригляделась, поняла, что это скорчившийся человек, покрытый буркой. Волосы встали дыбом, когда она увидела, что бурка покрыта полчищами вшей. Они кишели повсюду и создавалось впечатление, что бурка шевелится как живая. Под буркой оказался старик. Он бредил. Когда его вынесли на носилках во двор, то обнаружили колтун: волосы на голове спеклись в корку наподобие панциря, из-под краев которого вытекал гной. Даже видавших виды фельдшера, шофера и самого доктора затошнило. Стариков увезли. Шофер вырыл в глиняном полу яму, втолкнул туда лопатой бурку, полил бензином и сжег. Окна и двери забили досками. Прикололи записку: «Карантин». Через несколько дней старики умерли в лазарете...

Мама пробыла в деревне до тех пор, пока эпидемия не пошла на убыль. Она стремилась поскорее попасть домой, а потому не стала ждать, поехала на попутной телеге. Потом пошла пешком к Иртышу на паромную переправу. Там в степи потеряла сознание. Ее случайно нашли две женщины. Она переболела тяжелой формой сыпного тифа. К счастью, выжила...

Весной 1943 года по всей области началась эпидемия непонятного характера. Заболевание начиналось внезапно, протекало бурно по типу тяжелой интоксикации, сопровождалось резкими изменениями всех компонентов крови, резкой алейкией, тяжелой ангиной. Смертность

была устрашающей. Болели семьями. Вновь появились дома, окна которых были закрыты ставнями, а двери забиты досками. Распускали слухи о немецких шпионах, о чуме, холере, Сибирской язве... Медики ломали голову, не в силах разгадать причину этого заболевания, трудно поддающегося лечению.

Отец был послан в командировку для выяснения природы этой болезни. В дорогу он прихватил портативный микроскоп. При обходе домов, где проживали заболевшие, он заметил разбросанные зерна злаков. Вид их показался ему подозрительным. Они были покрыты каким-то матовым налетом. Кроме того он обнаружил остатки пищи, приготовленной из этих зерен. Тогда эти зерна были взяты на исследование. Профессор рассекал их бритвой и исследовал под микроскопом. Он убедился, что они поражены грибом. Из расспросов удалось установить, что эти зерна, перезимовавшие на полях, собирались весной и использовались в пищу. Так удалось установить, что причиной заболевания являются ядовитые токсины грибка. Заболевание протекало по типу выраженной сенсibilизации на фоне резкого падения защитных свойств организма. Отцу вспомнилось, что при лечении сифилиса с целью десенсибилизации и повышения защитных свойств активно использовались внутренние вливания гипосульфита. Он предложил этот вид лечения, дополнив его дробными дозами алкоголя. Но еще большую роль сыграла срочно проведенная санитарно-профилактическая разъяснительная работа среди населения. Заболевания септической ангиной прекратились. Через несколько лет отец опубликует в одном из центральных научных журналов статью о лечении этого грозного заболевания [Неспецифическая десенсибилизация при септической ангине (алиментарно-токсической алейкии) // Клиническая медицина, –1947. – Т.25, 7. – С. 73–74.].

Петр Герке с детьми – Маргаритой и Роальдом (Глубокое, 1944)

Невзирая на голодные, холодные и трагические военные годы, отец находил время и для занятия наукой. С этой целью он поселил на ветхом балконе шенков, выпросив их у хозяина, который хотел их утопить. Шенкам пересекались челюстные нервы. Затем велось регулярное наблюдение за развитием и ростом зубов. Результаты работы также будут опубликованы уже в мирное время [Прорезывание молочных зубов после денервации // Стоматология.-1947.-1.-С. 8-13].

Моя мама Изабелла Герке всегда была постоянной помощницей отца. Все житейские тяжести она переносила стоически. Внешне небольшого роста, хрупкая, но выносливая, она обладала решительным характером и незаурядной смелостью. Не раз ей приходилось в непогоду проделывать визиты по степи, навешая больных, живущих поодаль от местечка. Однажды морозной ночью, возвращаясь с очередного визита, она заметила светящиеся зеленые точки. Ей показалось, что это волки. Тогда она побежала по тропинке, то и дело проваливаясь в глубоком снегу. Кричала в надежде, что услышат. Успокоилась только, добежав до своего двора.

В другой раз во время визита ее захватил в степи буран. Вдвоем со случайной спутницей они забежали за склон сопки и устроились под скалой, где безжалостный ледяной ветер был потише. Опасаясь замерзнуть, завернувшись в широкий тулуп спутницы. Согревались дыханием, тесно прижавшись друг к другу. Пурга длилась несколько часов и над женщинами образовался огромный сугроб. За это время мама выяснила, что лежит рядом с убийцей. Спутница рассказала, что не выдержала издевательств мужа, которые начались сразу после свадьбы. Когда терпению пришел конец, она убила его и его любовницу топором. Расстрел заменили тюремным заключением с последующей вечной ссылкой, которую она и отбывала в Глубоком. Можно представить себе моральные переживания человека, внезапно узнавшего, что он лежит рядом с убийцей, лишившего жизни двоих. И все же следует признать, что не будь этой женщины и ее тулупа, мама замерзла бы в степи...

И еще один страшный день. В то утро я еле пришел из школы, обморозив руки и ноги. Занятия не состоялись. Было ниже – 40° С. За дверью слышались рыдания. Мне открыл бледный отец. Руки его дрожали. Рыдала мама. На столе лежала «похоронка». В ней сообщалось, что на фронте погиб родной брат матери Михаил. Год назад он после тяжелого ранения, больной малярией приезжал к нам на побывку. Раны его гноились. Отец специально ездил на Алтай, где набрал хвойных игл и приготовил из них мазь. С помощью этой мази раны удалось залечить. И вот финал...

Что касается обыденной жизни, то она была мрачной в своей безысходности. Родители и сами не знали, к какому «рангу» они принадлежат, кем числятся у властей. Но в 1943 году отца вызвали прямо с работы в милицию. Там сообщили, что его и маму призывают в трудовую армию. Детей советовали собой не брать, а оставить на попечении знакомых. Прибыть на призывной пункт следовало через несколько

дней. Отец хорошо знал, что такое трудармия. Он не раз консультировал там и ужасался увиденному. Это были женские и мужские бараки, где существовали люди, обреченные на рабский труд в шахтах и на каменоломнях. Авитаминоз, дистрофия и туберкулез свирепствовали в этих лагерях. Теперь и моим родителям предстояло разделить горькую участь этих несчастных... Отчаяние охватило родителей. Положение казалось безнадежным.

На следующий день удалось договориться с семьями бывших пациентов. Они согласились на опеку. Нас разлучили и привели в чужие избы. Переживаниям не было конца. Мы, дети, сердцем чувствовали неладное и долго рыдали... Поздно вечером к родителям пришел начальник милиции. Сам он ничем не мог помочь, но посоветовал обратиться к директору завода. Депутат, работодатель, умный и энергичный инженер, директор обладал большими полномочиями.

Вспыхнула жалкая надежда. После бессонной ночи родители пришли на прием. Директор ценил их как специалистов. Но он ничего не мог обещать заранее. Лишь посоветовал запереться в квартире, ни в коем случае не идти на пункт сбора, сохранять тишину и не показываться на глаза соседям. Ждать его сигнала. Так и было сделано. На следующий день после окончания сроков сбора незнакомый человек принес записку в конверте без подписи: «Приступай к работе». Счастью не было границ! Нас немедленно привели домой...

На первых порах нам не в чем было ходить. Только через год я, восьмилетний мальчик, пошел в школу, сразу во второй класс, чтобы наверстать упущенное. Сестру устроили в детсад. Отец ходил в тяжелом рыжем полушубке, сшитом из собачьих шкур, а мама – в ватной телогрейке. В сильные морозы занятия в школе прекращались. Классные чернильницы лопались и из них вываливался лиловый лед. Бумаги не было и мы учились писать на старых газетах.

В первый год проживания мы сильно голодали. Ломоть черного хлеба, чуть припудренный сахаром, был истинным лакомством – тортом! Хлеб был основным продуктом питания. О качестве его и говорить не приходится. Но мы съедали все до последней крошки. С тех пор я почти все ем с черным хлебом... Однако на следующий год стало легче. Выручали многочисленные пациенты, особенно из местных. Весной 1942 года родителям выделили земельный участок. Это была целина, покрытая сплошным кустарником. Корни кустов тесно переплетались и глубоко уходили в жесткую глинистую почву. Около месяца родители, вооруженные киркой, топором и лопатой, выкорчевывали кусты. Лошадь в эту пору достать было трудно. Отец одолжил где-то лемех, впрягся и проложил борозды. Воду для поливки семян возили на тачке.

Зато с какой радостью был встречен первый урожай! Овощи, пшено и даже небольшие арбузы. Арбузы солили и мариновали на зиму. Неплохой урожай позволил обзавестись курами и двумя поросятами. Стало легче.

В Глубоком проживало немало латышей. Мы нередко ходили в гости к многочисленной семье портного Бруклиныша. К нам нередко заходил худощавый, изнуренный огнестрельным ранением и туберкулезом Берзиньш. Он непременно съедал свою порцию до конца, а оставшиеся крошки хлеба кропотливо собирал и вбрасывал в рот. Заметив это, мама впредь всегда ставила перед ним глубокую тарелку, до краев заполненную едой...

Как только Минск был освобожден, отца вызвали туда для восстановления мединститута. В октябре 1944 года мы вернулись. Город был разрушен и сожжен на 80%. Центр представлял из себя развалины и коробки сожженных зданий. Отец вновь занял место завкафедрой гистологии и эмбриологии, через два года (1946) стал деканом лечебного факультета, а еще через три (1949) – заместителем директора мединститута. К тому времени корпуса института были восстановлены.

Семья Герке в Музее истории медицины после заседания, посвященного 80-летию академика П.Я.Герке; справа от него – М.П.Герке, И.М.Герке, Р.П.Герке.

Мама стала работать в своей чудом сохранившейся поликлинике. Теперь уже было ясно, что она в этой войне потеряла мать, тетю, четырех братьев и еще нескольких родственников...

В конце войны в Минске появились группы пленных немцев. Они работали по очистке улиц, собирая в штабеля кирпичи разрушенных зданий. Охраняли их два-три автоматчика. Среди пленных были специалисты разных профессий. Им выписывали наряд и они ходили без охраны, выполняя назначенную работу. Один из таких пришел в поликлинику для починки водопровода. Мама обратила внимание на его палец, перевязанный грязным бинтом. Палец гноился. Она перевязала, дала полбуханки хлеба. Через день он пришел вновь и закончил работу. Она вновь перевязала и дала полбуханки хлеба. Потом рассказала отцу. Тот напомнил о гибели ее родственников и намекнул, что может быть этот пленный как раз и стрелял в них... Мама ответила, что как бы там ни было, но все мы люди и вид этого истощенного немца вызывает жалость. Может кто-то из ее братьев тоже находится в плену... И заплакала.

Через неделю в поликлинику пришел тот же немец. Палец его зажил. Он подарил маме небольшую картину, написанную на фанерке примитивными масляными красками. Это были Альпы, у подножья которых располагался домик с высокой черепичной красной крышей. Пленный пояснил, что он профессиональный художник. Эта картина уже столетия хранится у нас.

Отца неудержимо тянуло на родину своих предков – в Латвию. Его родители родом из Селии. На левом берегу Даугавы, неподалеку от плотины Плявиньской ГЭС стоит, хутор «Тилтакалеи». Здесь родилась его мать. Километров в десяти оттуда в сторону Риги до сих пор еще виден фундамент "школы Герке", где обучались крестьянские дети. Да и теперь родственники живут по обоим берегам Даугавы – от Екабпилса до Риги. После окончания войны отец списался с ними. До войны подобная переписка могла закончиться весьма плачевно...

В 1950 году наша семья впервые приехала в Латвию. Мы жили у озера Балтээерс. Уже через неделю гостили у родственников отца. Затем он навестил академика Паула Страдыня, с которым уже встречался неоднократно во время научных командировок. Академик предложил отцу прочитать ряд лекций морфологического характера перед латышской научной общественностью, что и было проделано. Из-за трудностей с гостиницей приходилось искать приют в гостеприимной семье Страдыней. Сын академика Янис Страдыньш с юмором вспоминал, как ему частенько приходилось уступать свой диван минскому профессору Герке, а самому перебираться в другое, более укромное место...

В марте 1951 года отца избрали академиком Академии наук Латвийской ССР. В августе наша семья переехала в Ригу.